

РЕФОРМА КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

В обсуждении принимают участие доктор философских наук, профессор, академик РАО, главный научный сотрудник Института философии РАН Л.П. Буева, доктор исторических наук, профессор, советник ректора Российского государственного торгово-экономического университета, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования Г.В. Саенко.

Ведет «круглый стол» доктор философских наук, профессор П.С. Гуревич.

Гуревич П. В конце XIX века Японии предстояло совершить скачок из феодализма в современный мир. Как можно было бы реализовать эту историческую трансформацию? Опыт Европы в основном свидетельствовал о том, что без социальной революции не обойтись. Только она, как полагали многие европейские мыслители, может обеспечить стремительное продвижение из одного общественно-экономического строя в другой. Разумеется, возможность реформирования общества тоже учитывалась, но только в качестве неизбежного подспорья. В целом предполагалось, что только путем социальной революции можно разорвать пути традиции. С политической точки зрения, все революции нуждаются в уничтожении или нейтрализации внутренних враждебных сил, а также, видимо, тех сословий, которые несовместимы с их исторической ориентацией. Нельзя говорить о завершении революции, пока эта цель не достигнута.

На исходе того столетия Япония мечтала о том, чтобы восстановить власть императора. В этом лозунге, как отмечала известная американская исследовательница Р. Бенедикт, отразилось стремление оградить Японию от разлагающего влияния внешнего мира, реставрировать золотую эпоху X века. Р. Бенедикт имела в виду реформы Мэйдзи (1867-1868) — буржуазную революцию в Японии, в результате которой был ликвидирован институт «двойного правления» императора и сегуна и «реставрировано» верховенство императорской власти. Однако такое развитие событий не нравилось многим японцам.

Императорский двор в Киото отличался крайней реакционностью. Социальный парадокс заключался в том, что восстановление императорской власти означало бы не столько учет назревших социальных перемен, сколько возвращение к традиционному образу жизни. Победа сторонников императорской партии привела бы к унижению и изгнанию иностранцев. Но это влекло бы за собой укрепление патриархальности и было бы чревато неиссякаемой боязнью новых общественных веяний. Те политические силы, которые стремились к реформам, могли бы, в случае укрепления императорской власти, потерять свои позиции и даже право голоса при решении многих социальных вопросов.

Реставрация прежних устоев была выгодна «посторонним князьям», так называли феодальных властителей, которые выступали против японского полководца и государственного деятеля Токугавы. Теперь эти князья стремились к радикальным кадровым перестановкам. Они пытались изменить установленную им сословную систему, при которой общество состояло из самураев, крестьян, ремесленников, торговцев и купцов. Свои ожидания были и у крестьян, которые требовали, чтобы им оставляли большую часть выращиваемого ими риса. Но реформы они отвергали с крайней ненавистью. Самураи мечтали о том, чтобы им сохранили пенсии и право использовать свои мечи для вящей славы. Купцы давали деньги на возможное восстановление власти императора, особых претензий к феодальной системе у них не было. Им было важно расширить сферу меркантилизма.

Как разрешить все эти общественные противоречия? Возможно ли учесть совершенно разнородные интересы различных социальных слоев страны? И, наконец, как при видимом историческом движении вспять, то есть восстановлении власти императора, катапультировать Японию в новейший мир?

Эти задачи, как известно, выполнил великий японский реформатор Мэйд-зи. Он сумел с помощью реформ обеспечить стране завидное место в мировой системе. В связи с этим хотелось бы обсудить следующие вопросы:

1. **Что такое реформа как социальный феномен?**
2. **Каковы положительные и отрицательные стороны реформ?**
3. **Какова судьба реформ в России?**

1. **Что такое реформа как социальный феномен?**

Саенко Г. Слово «реформа» сегодня у всех на устах. Власть в России пытается преобразовать различные стороны общественного бытия — экономические, социальные, политические, культурные, религиозные. Реформа толкуется как процесс безотлагательный и позитивный. Сегодня никто уже не представляет жизни без очередных реформ. Нет ни одной политической партии в стране, которая не предлагала бы целый арсенал различных новаций.

Инноватика — перманентный лозунг дня. Социальные философы и политики предупреждают: промедление с реформами чревато утратой благосостояния и независимости. Однако ситуация складывается так, что в обществе уже обозначился страх перед затеваемыми переменами. Крепнет убеждение, что ничего хорошего эти «новшества» не содержат. Напротив, они порождают множество негативных явлений. Во всяком случае, никакой пользы народу они не несут.

Эксперты задают вопрос: можно ли назвать реформой то, что происходит в стране? На смену безобидному аскету-накопителю, инвестору и партнеру, о которых писал Макс Вебер, является тип ростовщика и менялы, рэкетира и обманщика, лукавого управленца и расточителя. В нашей стране заметно усиливается противостояние реформам, которое подчас имеет гротескный характер. Эксперты даже утверждают, что массовое списывание заданий по ЕГЭ явилось своеобразным протестом против потока новшеств, которые щедро обрушиваются на систему образования. Поговаривают даже об эффекте «швейкования», намекая на известного литературного персонажа. Речь идет о том, чтобы путем послушания довести команды управленцев до абсурда. А попытка разрушить Российскую академию наук вообще натолкнулась на сопротивление ученых, не желающих служить бюрократам в их стремлении взять каждый гектар земли на свое хозяйство.

Буева Л. Поразительно при этом, что социальные философы не анализируют теоретические проблемы, связанные с реформой. Сложилось стойкое убеждение, что социальное преобразование — по существу, проблема прикладная, техническая. Традиция внимательного, осторожного и вдумчивого отношения к общественным переменам безнадежно утрачена. Отечественных исследований на эту тему мало. В основном интерес к теме ограничивается переводами зарубежных авторов. Среди них П. Штомпка, С. Эйзенштадт, Р. Саква, Р. Инглехарт. Эти сочинения становятся единственным источником новой методологии в анализе социальных изменений. Между тем в базовых представлениях о социальных трансформациях царят путаница и дилетантизм. До сих пор не осмыслен сам процесс грандиозной инверсии — переход от прославления революции к культу реформ.

В марксизме существовало стойкое представление о реформе как предательстве революции. Реформа отождествлялась с убеждением, что она есть не что иное, как уступка революционных масс своим противникам. Смысл эволюционизма видели в том, чтобы задержать ход радикальных перемен, отсрочить их. Социальные философы не обратили серьезного внимания на парадокс, ведь чуть позже началось исступленное развенчание революции как деструктивного общественного явления.

Гуревич П. Американский социолог Раймон Арон подчеркивал, что американская социология уводит политиков от революции к реформам. Между тем европейские мыслители пестовали другой вариант событий — от реформ к революции. Революционный миф оказался наиболее устойчивым во Франции. Некоторые революции, например Великая французская революция, русская (Октябрьская 1917 года) и китайская, оцениваются как

модели для анализа революционных феноменов вообще. Однако в гуманитарном сознании нет еще обстоятельной метафизической оценки революции как феномена. Отсутствует необходимая база для сравнительного анализа и обобщений. Нередко идеалы той или иной революции оказываются недостаточно документально подтвержденными, недостаточно изученными.

В современной философской и социологической литературе, посвященной феномену революции, разворачивается критика марксистской концепции, согласно которой утверждалось, что революция есть локомотив истории, закономерный и необходимый результат классовой борьбы в антагонистических формациях, высшая форма такой борьбы. Теперь всякая революция оценивается как разрыв в поступательном историческом процессе, акт разрушительности и бедствия. Классические размышления французского социолога Жака Элля ввели в общественную теорию противопоставление «бунта» и «революции». Современные события на Ближнем Востоке, в Африке наглядно показали разрушительную мощь революций. Реформа становится единственным паролем любых преобразований.

Саенко Г. Между прочим, далеко не все социальные мыслители прославляли революцию. Многие из них считали, что для решения общественных проблем гораздо продуктивнее медленное, постепенное движение вперед. Этот процесс характерен не только для Запада, но и для Востока. Кстати, Павел Семенович, государственные деятели, которые содействовали реформам Мэйдзи, стремились учесть социологические достижения европейской мысли. В 80-е годы XIX века принц Ито, которому было поручено разработать новую Конституцию для Японии, послал маркиза Кидо в Англию к Герберту Спенсеру, чтобы проконсультироваться с ним по поводу назревших японских проблем и способов их решения. Поразительный факт, не так ли?

Буева Л. Г. Спенсер, действительно, один из наиболее фундаментальных европейских мыслителей. Редкое современное социальное исследование обходится без ссылок на Спенсера. В «Основах социологии», самом фундаментальном своем труде, он систематизировал собственные взгляды на эволюцию общества. Спенсер считал, что усиление альтруизма есть закономерное и необходимое в историческом процессе. Он полагал, что человек, склонный к насилию, может в принципе стать глубоко страдающим индивидом. Сегодня, в условиях роста социальной агрессии, эти рассуждения могут показаться наивными. Но нельзя не посчитаться с тем, что Спенсер и его последователи аргументированно придерживались эволюционистской доктрины. Социальные изменения должны происходить продуманно, медленно, без риска, который чреват разрушительными последствиями.

Эволюционисты считали, что обновленческие (мы сказали бы сегодня — модернизационные) процессы требуют постепенности, учета пройденных этапов и тщательного изучения нежелательных результатов. Они постоянно настаивали на умеренном, накопительном и мирном характере общественных преобразований. Сторонники Спенсера были убеждены в том, что эти основоположения социальной теории важны не только для западных стран. Другие страны столкнутся с теми же проблемами. Именно поэтому эволюционисты разработали целый ряд понятий, которые могли бы выступать в качестве измерителей пройденного исторического пути. Среди этих терминов — «структурная дифференциация», «адаптивное совершенствование».

Гуревич П. Кстати, о своеобразной смычке Запада и Востока. Людмила Пантелеевна, когда японские деятели приехали к Спенсеру, он провел с ними обстоятельные беседы и дал конкретные рекомендации, которые во многом определили характер реформаторских усилий Мэйдзи. Спенсер указал на особую опасность, которую несет в себе попытка государственных деятелей устранить социальную иерархию. В Японии, подчеркнул он, сохранились традиционные институты. Их надо укрепить, чтобы обеспечить национальное благосостояние. Многие народы прошли через революции. Можно утверждать, что революции всегда были сопряжены с фазами разрушения. В каждой последующей фазе революции истреблялись деятели предыдущей. Все революции, особенно нареченные

великими, оказывались кровавыми. Во время Великой французской революции крови пролилось не меньше, чем во время русской, а в английской — не меньше, чем во французской. Буржуазная революция в Японии не предполагала свержения или умаления власти императора, а, напротив, по совету Спенсера, сопрягалась с укреплением социальной иерархии.

Сторонники Мэйдзи испытали удовлетворение от того, что получили поддержку и подкрепление собственным представлениям от европейского мыслителя. Те и не собирались устранять социальные различия и иерархические установки и после встречи со Спенсером укрепились в этом мнении. Япония могла добиться значительных успехов, отказавшись от индивидуализма, который взяли на вооружение многие нации. Напротив, под контролем «старших» страна могла избежать многих ошибок.

Саенко Г. Однако мы не можем анализировать реформы без должного сопоставления их с феноменом революции. Само слово «революция» стало неотъемлемой составной частью европейской культуры с эпохи Просвещения. Оно (и его производные) оказалось приложимым практически ко всем сферам жизни (о революции говорят не только применительно к политике, но и к экономике, науке, технике, культуре). Оно стало политическим лозунгом и научным термином. История этого слова демонстрирует взаимодействие постоянных, повторяющихся моментов и инноваций.

Буева Л. В язык политики слово *revolutio* вошло в эпоху позднего средневековья (сначала в Италии). Семантика его изначально была связана, с одной стороны, с понятием переворота и с другой — с хронологическим представлением о постоянном обращении планет. Т. Гоббс полагал, что революции вызывают постоянную смену способов правления: от монархии к аристократически-парламентской конституции, затем к демократии, а от демократии — снова к монархии. События английской революции, казалось, подтверждали это положение о постоянном возвращении политической жизни к исходному пункту, подобно круговым движениям планет. Современное понятие слово «революция» приобрело в европейских языках к концу XVIII века, в эпоху Французской революции.

Гуревич П. Надо отметить, что нынешнее понятие «революция» двойственно: с одной стороны, оно означает осуществляемую насильственным путем смену власти, с другой — структурные сдвиги, происходящие в обществе на пути из прошлого в будущее. Изначально слово «революция» обладало главным образом политическим импульсом, к которому затем добавилось более широкое социальное значение. Слово «революция» и его семантика генетически связана с тремя группами политической лексики, восходящей к античности. Во-первых, оно восходит к лексике, обозначающей политические беспорядки (точка зрения власть имущих) — сравните латинские термины: *tumultus*, *seditionis*, *rebellio* («возмущение», «мятеж», «бунт»). Во-вторых, оно связано с лексикой, также обозначающей нарушение нормального хода политической жизни, но уже с нейтральной точки зрения: *discordis*, *bellum civile*, *vicissitudo* — «распря», «гражданская война», «превратности». В-третьих, обозначение политических событий с точки зрения «низов», являющихся движущей силой революции. Эти обозначения поясняют необходимость и законность смены власти: слово «революция» противопоставляется таким словам, как «тирания», «деспотия».

Саенко Г. Но к концу XVIII века семантика слова «революция» все больше сближалась с представлениями о развитии, прогрессе человеческого общества. Революция стала «субъектом истории», объективно необходимым фактором движения к лучшему будущему. Произошло разделение и противопоставление семантики «мятежа» (отрицательные коннотации) и «революции» (положительные коннотации). В процессе секуляризации общественной жизни «революция» стала вытеснять религиозные ориентиры истории — «ожидание царствия небесного на земле».

Буева Л. Развитие слова «*revolution*» демонстрирует многократный процесс метаморфозации: от слова с конкретным значением («откатывание», «оборот») к астрономическому термину, затем — к политическому и, наконец, к социальному термину. Семантика слова становилась многослойной, слово сохраняло в себе «память» о предыдущих

семантических сдвигах. Так, астрономическое представление о *revolutio* как сложном движении (Земля вращается вокруг своей оси и одновременно обращается вокруг Солнца) отразилось в появившемся в XIX веке представлении о социальном развитии как движении по спирали. В то же время и самое абстрактное значение слова «революция» унаследовало в метаморфизированном виде изначальную семантику движения, резкого и отрицательного сдвига.

Гуревич П. Вы говорите о различии между революцией и реформой. Но не кажется ли вам, уважаемые коллеги, что феномен реформы, радикально противостоящий слову «революция», со временем обнаружил в себе тайную родственную близость с ней? Неужели не очевидно, что отдельные реформы, даже в случае собственной неудачи, рождают в обществе такие новации, на какие не могли рассчитывать прежние революции? Буквально в течение одно-го-двух десятилетий в России обнаружилась и утвердилась столь мощная социальная сила, как олигархи. Финансовая буржуазия стала диктовать свои условия чуть ли не всему миру.

Макс Вебер считал, что в минувшем столетии возникло новое явление, которое он назвал универсальной бюрократизацией. При его жизни обозначился совершенно «вульгарный» бюрократический ореол, который этот ученый назвал «метафизикой чиновничества». Сегодня чиновники самостоятельно решают социальные проблемы, которые прежде находились в компетенции царей и императоров. Кто, к примеру, определяет сегодня судьбу деревни? Во всяком случае, не верховные лица страны.

Саенко Г. Другой европейский мыслитель, Альфред Вебер, тем не менее, считал, что бюрократический аппарат, который служит инструментом в руках того или иного президента, никак не должен претендовать на ореол величия. Однако в наши дни власть чиновника оказалась безмерной. Возникло новое всеильное сословие. Разве посмел бы в советские годы министр просвещения замахнуться на Академию наук? В наши дни о предстоящей реформе не был поставлен в известность даже президент РАН. Размеры поглощения населения чиновничьим аппаратом огромны. Родился феномен обожествления чиновника. Государство теперь говорит чиновнику: «Ты мой, потому что ты некогда продал мне себя. Ты — мой вассал».

Буева Л. Произошла немыслимая девальвация интеллектуальной жизни. Заметны крутые выступления против фундаментальной науки, гуманитарного знания. Обучение все очевиднее сводится к навыкам купли и продажи. Разве мыслимо было подумать еще десятилетие назад, что торговец мебелью станет министром обороны, зав. складом — вице-премьером, косметолог — сеятелем? Государственное управление в России двадцать с лишним лет, без перерывов, демонстрирует криминальный тип сознания, органически неспособный к культурной и интеллектуальной эволюции. В наши дни заметно упростился и сам тип личности. Теперь реформы реализуют те социально-политические силы, которые сумели заполучить власть в ходе общественных пертурбаций. При этом преобразуются институты общества, социально-экономические или политические отношения, структурно-функциональные связи. Получается, что эволюционные реформы используют те же самые механизмы, которые сопровождали революционные перевороты. При этом рушатся традиции, рвется социальная ткань. Появляются неожиданные последствия скороспелых преобразований, которые носят стойкий и нередко деструктивный характер. Реформа становится синонимом любых значительных трансформаций, которые убыстряют ход истории. Используются и другие понятия, которые выражают смысл реформирования, — «модернизация», «мобилизационные процессы».

Гуревич П. Все это, несомненно, так. Но эту опасность предвидели многие европейские мыслители. Например, французский психолог Густав Лебон подчеркивал, что мания великих реформ пагубна для народа, как бы ни казались хорошими эти реформы в теоретическом отношении. Неплохо сказано — «мания великих реформ»! Они могли бы, по его словам, принести пользу только в том случае, если бы оказались способными мгновенно изменить «душу нации». Но это невозможно. Реформированию, по словам Лебона, подвер-

гаются учреждения и законы. Люди в своей жизни ориентируются на идеи, чувства и нравы. Любая реформа затрагивает основы культуры. Можно, разумеется, улучшить экономические показатели путем финансовой реформы. Но крайне непродуктивно и опасно проводить административную или образовательную реформу путем простой пересадки чужих нововведений в свою культуру.

Саенко Г. В связи с этим не следует ли пересмотреть традиционное противопоставление реформаторов и консерваторов при оценке социальной динамики? Справедливо ли полагать, что только либеральное направление мысли связано с прогрессом, с экономическим и политическим развитием? В теориях прогресса всегда существовали привычные сопоставления — демократия и либерализм против неограниченного самодержавия, социальный атомизм, индивидуализм против коллективизма и общинности, секуляризм против сакральности, эгалитаризм против социальной иерархии, массовая культура против локальной и дифференцированной культуры. Социальная практика показывает, что «надрывная модернизация» порой выступает против наращивания общественного потенциала. Консервативная позиция зачастую позволяла уберечь общество от неоправданных рывков, непродуманного парашютирования в новое цивилизационное пространство. Недаром Мишель Фуко показывал, что «беззаботность» и «пришпоривание истории» нередко проистекают из невежества, некомпетентности, безответственности человека, института, государства, масс. Реформа на самом деле не имеет ничего общего со стремительным броском в будущее. Ее неудачи способны надолго задержать плавный ход событий.

Буева Л. Как раз реформы Мэйдзи интересны тем, что в ходе перемен сохранилось бережное отношение к общественным устоям. Он, в частности, мы об этом говорили, делал упор на сохранение социальной иерархии. Она-то и позволила примирить разные общественные интересы и обеспечить интенсивное развитие страны. Лихорадочный гон преобразования нередко в истории оборачивался не только утратами, но и тормозил общественную динамику. Русские консерваторы настаивали на проблеме национальной идентичности. Взгляды государственников на ценностные основания этой самоотжественности имели четкую практическую направленность — сохранить существующий в стране правопорядок. Ведь культура зиждется на конкретном религиозно-философском фундаменте, отражая ту или иную интерпретацию смысла и путей истории, места человека в ней.

Гуревич П. Реформа и дилетантизм — несовместимые вещи. Между прочим, Огюст Конт считал, что раньше всех других революционных изменений должна произойти революция интеллектуальная. Ни насилие, ни случайности революции не способны, как он полагал, изменить общество. Реформаторский пыл Конта сосредоточен на созидании силы духа, поэтому в сфере экономики он предстает в роли умеренного преобразователя.

Между тем реформы в современной России ориентированы, в конечном счете, только на экономический эффект, в какой бы социальной сфере они ни происходили. В то же время происходящие преобразования утрачивают интеллектуальный ресурс. Конт анализирует историческое разнообразие, детально рассматривая три движущие силы преобразования: расу, климат, политическую деятельность. Великие люди не способны, по мысли Конта, изменить ход событий. Конечно, современная социальная практика показывает, как много в общественном прогрессе зависит от личности преобразователя, его политической воли, интуиции и ответственности. Но Конт опасался диктаторской размашистости, навязывания самонадеянности и небожительской надменности. Французский социолог полагал, что планировать общество, опираясь на насилие, еще худшее зло. Реформатор может содействовать смягчению ситуаций, кризисных состояний. Он предупреждал: речь идет не об управлении социальными феноменами, а лишь об изменении их спонтанного развития. Не зная реальных законов общественного развития, лучше не затевать реформ...

Саенко Г. Мне кажется актуальной мысль Альфреда Вебера о том, что культуру не «создают», как ныне, писал он, вероятно, полагают глупцы. Она растет. Мы должны питать

почву, чтобы она не пересохла окончательно и чтобы наше «духовное тело» еще продолжало жить. Но современным реформаторам мнится, что именно они творят культуру, меняют ее очертания и направленность. Любое бюрократическое помышление опирается на безоговорочный аргумент — «а у них, то есть на Западе» вот так. Всем известно, что аналог нашего ЕГЭ есть в ряде стран. Но он там не вызывает ни споров, ни коррекций, ни панических обвалов, как в нашей стране в этом году. Почему одна и та же форма проверки знания порождает столь разные эффекты, скажем, в США и в России? Реформа вообще не должна предполагать слепого копирования. В России же огляд на Запад носит характер директивы.

Буева Л. Отсюда весьма актуальный вывод: не только революция, но и реформа связана с насилием. История подчиняется законам. Эволюция требует времени. Иначе она все равно возжадет крови. Невозможно реформировать общество без научной теории, без глубокой опоры на социальное знание. Аристотель утверждал, что политическая стабильность зависит от приспособления образования к форме правления. Общество может функционировать только при наличии определенной гармонии между преобладающими в нем ценностями, институтами и образованием, знанием. Что касается Конта, то он вообще считал, что без единства религиозных и моральных убеждений ни одно общество не может быть устойчивым. Классики социологии были убеждены в том, что демократия способна смягчить социальные конфликты. Но она же чревата новым деспотизмом. Особенно настаивал на этом выводе французский социолог Алексис де Токвиль.

2. Каковы положительные и отрицательные стороны реформ?

Саенко Г. Каков же общий итог феноменологии реформы? Классики социологии признали ее надежным средством социальной динамики при одном неоспоримом условии: сам характер социальной технологии для общества даже более важен, нежели его экономическая структура или социальная стратификация. Это главная мысль Карла Мангейма. В современной политической практике властители тоже толкуют о реформах. Однако они не связывают их ни с какой социальной технологией. Бюрократы фиксируют кризисные процессы в конкретной области общественной жизни и с помощью экономических рычагов начинают «исправлять положение». Нищает характер управленческих процессов — значит, надо повысить зарплату чиновникам. Но К. Мангейм предупреждал: без целостной концепции общественного развития реформа неизбежно окажется бесплодной или разрушительной. С помощью социальной технологии можно затормозить или изменить функционирование экономической системы, разрушить одни социальные страты и поставить на их место другие. Но добиться внушительных результатов для общественного развития только путем законодательных актов невозможно.

Буева Л. К. Мангейм считал, что сама по себе социальная технология ни хороша, ни плоха. Все зависит от того, как ее использует человеческий рассудок и политическая воля. Если экономическую систему пустить на самотек, то есть, говоря современным языком, довериться только либеральным схемам рынка, то возникнет пропасть между богатством и бедностью. Принцип социальной справедливости является не только этическим принципом, но и одним из условий функционирования самой демократической системы. Но он же подчеркивал, что требование большей справедливости вовсе не обязательно подразумевает механическое понятие равенства. Разумные различия в доходах и накоплении богатства могут сохраняться в обществе с целью стимулирования лучших достижений, пока они не нарушают общих тенденций планирования и не вырастают до таких размеров, что препятствуют сотрудничеству между различными классами.

Гуревич П. Согласен. Но немецкий социолог считал, что эволюционные изменения обладают несомненным преимуществом по сравнению с революцией. В этом контексте он обратил внимание на аксиологию реформ. Всякое реформирование имеет этическое

измерение. Властитель может соблазнять массы экономическими результатами, благодеянием, потребительскими запросами. Но проблема выбора ценностей все равно окажется неизбежной при любом реформировании. Во имя чего планируются перемены? Тот же Манхейм сопоставляет религию любви и всеобщего братства, неоспоримую ценность свободы и развития личности с идеей справедливости, равенства людей. Но в общественном сознании современной России проступают также ценности национализма, чистоты этноса и плодovitости, установки на дисциплинарное послушание. Реформы в нашей стране не сплачивают народ, как это было в программах Мэйдзи или Людвиг Эрхарда, а, напротив, резко обозначают социальные противоречия, внутрисоциальные конфликты. Может ли, к примеру, административная реформа вызвать воодушевление и энтузиазм масс, если в ее сухом остатке число чиновников и их полномочия возрастают? Способна ли проведенная бывшим министром обороны военная реформа укрепить патриотические чувства народа, если ее главный итог — широкий спектр уголовных дел?

Саенко Г. Карл Манхейм предупреждал в своей книге «Диагноз нашего времени»: ни одна реформа не может быть успешной, если в ней нет аксиологической перспективы. Иначе говоря, мы, затеявая преобразования, должны подумать о том, каково нравственное содержание задуманных трансформаций? Возможно, они окажутся полезными в экономическом отношении, но ущербными в нравственном смысле. Английский утопист Герберт Уэллс саркастически заметил: можно делать консервы из людей, если речь идет только о полезном пропитании. Какой тип личности нужен нам в процессе реформирования общества? Хотим ли мы, спрашивал Манхейм, воспитать прагматиков, которые обо всем судят с позиции пользы? Или для социальной динамики потребен другой тип личности?

Буева Л. Когда, по словам того же Манхейма, возник новый метод оправдания ценностей, источником которого является вечный рациональный закон, якобы присущий всему человечеству, распахнулись двери для обоснования самых разных святынь. Утилитарное оправдание ценностей со ссылкой на их полезность или вера в неоспоримое влияние лидера стали настолько же благовидными, как и вера в право сильного. И не суть важно, находит ли последняя свое выражение в теории вечной борьбы между расами, классами или элитами. Во всех этих случаях не видно конца затуханию взаимной вражды, отмечал Манхейм, поскольку оправдание как таковое признает бесконечные произвольные притязания: почему бы моему лидеру не обладать ясновидением, а моей расе или классу призыванием править миром?

Гуревич П. Еще одна трудность того же порядка заключается, согласно Манхейму, в том, чтобы сосредоточить интенсивное внимание на каком-то видимом социальном факторе. Когда нет признанной системы ценностей, то власть рассеивается, методы оправдания становятся произвольными, и никто ни за что не несет ответственности. Академиков РАН обвиняют в том, что они не украсили быт новыми айфонами и другими достижениями. Но ведь Академия наук занимается фундаментальными проблемами науки. Кому бы пришло в голову критиковать супругов Жолио-Кюри за то, что они занимаются проблемами распада атомного ядра, но до сих пор не изобрели атомную бомбу? Сосредоточение власти и распределение различных степеней ответственности между должностными лицами — предварительное условие функционирования общественной жизни. Это сосредоточение, однако, затрудняется, поскольку политические лидеры могут выдвинуть в качестве неотложной любую социальную проблему. Бывший президент доказывал, что самое главное для России модернизация. Но что нужно оmodernить в первую очередь? Каковы приоритеты? Что такое вообще модернизация в современном мире? Эти вопросы не обсуждались, и поэтому лозунг модернизации быстро утратил свою актуальность.

Саенко Г. Реформаторы общества время от времени привлекают всеобщее внимание к отдельным порокам социальной системы, но сейчас это надо делать систематически и масштабно. Вряд ли можно сегодня полагать, что вредные последствия безработицы, неправильного питания или недостатка образования могут стать уделом только определенных классов общества. Тесная взаимозависимость событий в современном

обществе вызывает у всех его членов беспокойство, что отрицательно сказывается на физическом и моральном состоянии социума. Чтобы подготовить почву для достижения согласия, надо устранить препятствия, существующие в нашем обществе. Поэтому борьба за достижение согласованности в оценках идет рука об руку с борьбой за социальную справедливость. С другой стороны, нельзя предположить, что распространение социальной справедливости на значительную часть общества автоматически приведет к согласию в оценках. В массовом обществе много других источников разногласий и противоречий между индивидами и группами, которые могут привести к хаосу, если мы не найдем правильного подхода. Поэтому одна из важнейших задач социолога — изучение условий, при которых возникают разногласия и прерывается процесс группового приспособления и примирения ценностей. Он должен анализировать причины неудач теми же эмпирическими методами исследования, которые во многих других областях указывали адекватные меры по восстановлению и обновлению пришедших в упадок общественных структур.

Буева Л. О том, сколь важны реформы, спорить не приходится. Вернемся к реформам Мэйдзи. Реформы начальной поры режима этого управленца поначалу вообще не пользовались особой популярностью. Японцы с огромным энтузиазмом ждали вторжения в Корею. Но правительство похоронило этот проект. Правительственная программа настолько не соответствовала упованиям сторонников данного вторжения, что им удалось организовать даже восстание против правительства. Начались и крестьянские выступления. Уменьшение налогового бремени они рассматривали как расчетливый обман. Крестьянам не нравилось появление школ, всеобщая воинская повинность, земельное межевание. Недовольство вызывал также тот факт, что их лишили косичек. Перед реформаторами возникла дилемма — усилить насилие от имени исторической необходимости или учесть интересы разных сословий, добиться согласия в обществе, примирить социальные ожидания.

Буева Л. Если бы Мэйдзи встал на путь неумолимой интенсивной модернизации, у нас не было бы, пожалуй, повода говорить сегодня о его реформах. Япония увязла бы в социальных противоречиях. Но его правительство не стало бороться с традициями. Реформаторы не унизили и не разорили класс феодалов. Представителей этого сословия они перетянули на свою сторону, повысив им пенсии. Значительно улучшили положение крестьян. Реформаторам удалось объяснить народу, что они не намеревались обмануть крестьян, а просто искали средства для выполнения их требований: казна на первых порах была бедной. И вот случилось то, что сегодня может казаться утопией или парадоксом. Мэйдзи провел реформы, от которых выиграла вся страна и каждое сословие в отдельности. Наши реформы в основном направлены на то, чтобы у кого-то отобрать и что-то распределить заново. Об увеличении общественного продукта никто и не помышляет.

Гуревич П. Реформы, на мой взгляд, не имеют обязательного канона. Точнее сказать, они обеспечивают большую социально-культурную обусловленность. По мнению И. Галтунга, революция есть «радикальное изменение социальной структуры, которое происходит в короткий период времени». Недостатки такого определения очевидны. Оно не дает возможности отделить мексиканскую революцию от переворота в Чили, не позволяет отличить русскую революцию от социальных изменений, произошедших на Ямайке в результате отмены рабства. Все определения этого типа, т. е. более или менее широкие, предполагают возможность почти универсального использования понятия «революция» как в хронологическом, так и в географическом плане. Однако можно указать на некоторые особенности революции, которые обнаруживали себя в разных странах. Во-первых, революция есть бурный процесс, сопровождающийся внезапным потрясением; это перелом, который относится, прежде всего, к институциональной и конституционной структуре государства. Во-вторых, революция является социальным феноменом, выражающимся в движении групп и масс. И, наконец, в-третьих, революция — это выработка определенной программы или идеологии, в которой ставятся позитивные цели обновления, дальнейшего развития, человеческого прогресса.

Саенко Г. Отличие реформы от революции обнаруживается, во-первых, в том, что эволюционное социальное преобразование не предполагает ломки институциональной и конституционной структуры государства. Речь может идти лишь об изменении политической жизни в стране. Во-вторых, реформы, как правило, не поддерживаются массами, не рекрутируют их целиком. Зачастую попытки изменить традиционный уклад вызывают сопротивление населения. Наконец, реформы, которые проводятся по шаблону, без учета конкретной культуры и истории народов, обречены на провал и деструктивность. Задача реформы состоит в том, чтобы удержать ее от революционного соблазна.

Буева Л. Напротив, успех реформы гарантирован, если она опирается на традиции народов и этносов. Вернемся, допустим, к реформе Мэйдзи. Скажем, проблема соотношения власти и народа в Японии в этот период получила своеобразную аранжировку. Общий план этой реформы разительно отличался от деятельности американских или английских институтов. Р. Бенедикт подчеркивает, что европейцам было трудно понять основные положения этого плана. Деятели эпохи Мэйдзи распределили обязанности «должного места» между государством и народом в каждой сфере деятельности, будь то политическая, религиозная или экономическая. Так называемое «общественное мнение» не играло той роли, которое оно имеет на Западе. Руководство правительством осуществляла высшая иерархия. Но принцип выборности здесь не действовал. То место, которое тот или иной деятель занимал в социальной иерархии, зависело в основном от близости к императору. Это в основном советники. «Последняя категория, — пишет Р. Бенедикт, — включала в себя членов кабинета министров, губернаторов префектур, судей, руководителей национальных бюро и других подобного рода ответственных должностных лиц. Ни один избранный чиновник не обладал таким статусом в иерархии, и не могло быть и речи, чтобы избираемые члены парламента, например, имели право голоса при подборе или одобрении кандидатуры какого-нибудь министра или главы бюро финансов или транспорта».

Гуревич П. Это, разумеется, так. Но во всех азиатских странах, при любых режимах власть, направляясь сверху вниз, встречается где-то на середине пути с местным самоуправлением, формируемым снизу. Р. Бенедикт подчеркивает, что все различия между ними обнаруживаются лишь в том, насколько велика в них демократическая подотчетность, насколько значительны или ничтожны его обязанности, несут ли местные лидеры ответственность перед всей общиной или же, будучи подкуплены местными магнатами, действуют не в интересах народа.

Саенко Г. Раз уж мы обратились к классическому исследованию Р. Бенедикта, то надо отметить, что во всех отношениях японское управление сильно отличается от американского. Там выборные лица несут высочайшую административную и юридическую ответственность, а местный контроль осуществляется местным руководством полиции и полицейскими судами. Но формально оно не отличается от организации управления в таких западных странах, как Голландия или Бельгия. Как и в Японии, в Голландии, например, королевский кабинет министров готовит все выносимые на обсуждение законы, парламент практически не иницирует законодательства.

Буева Л. Я полагаю, что различие между японской и западной формой управления не столько в них самих, сколько в их функционировании. Р. Бенедикт подчеркивает, что японцы полагаются на старые, почитаемые ими обыкновения, которые сложились в опыте их прошлой жизни и получили формальное закрепление в их этической системе и в их этикете. На высшем политическом уровне «мнение народа» неуместно. Правительство только просит «народной поддержки». Государство во всех своих внутривластных функциях не является в Японии неизбежным злом, как это принято считать в Соединенных Штатах. Японцы считают, что государство скорее надлежит считать высшим благом.

Гуревич П. В России крайне мало знают о реформе Мэйдзи. Между тем они очень поучительны, когда речь идет об учете социально-культурных особенностей страны, подлежащей реформированию. Японский образ жизни отводит «должное место» власти и определяет надлежащую ей сферу. Он оказывает значительно больше, чем в западных

культурах, уважение к «старшим», а следовательно, предоставляет им свободу действий, но они также должны знать свое место. Девиз Японии: «Всеу свое место»... В религиозной области государственные деятели Мэйдзи осуществили значительно больше странных формальных преобразований, чем в области управления. Однако они следовали тому же самому японскому девизу. Государство избрало своей сферой культ с особым почитанием символов национального единства и превосходства. Во всем остальном оно предоставило отдельному человеку свободу вероисповедания.

Недавно я участвовал в работе Международной конференции, которая проходила в Москве. Одна участница обсуждения в своем докладе критиковала современную российскую власть за то, что она опирается на Православную церковь. Но ведь в стране, говорила докладчица, множество влиятельных религиозных конфессий. Есть регионы, где жители придерживаются исламской веры. На Востоке есть даже приверженцы конфуцианства. Есть не только евреи, но и ассирийцы. Но разве власть должна искать опоры у всех религиозных конфессий? Идентичность России невозможна без православия. И в том курсе власть безоговорочно права. Но она ошибочно игнорирует другие конфессии, не стремится к диалогу различных священных символов и верований.

Саенко Г. В области промышленного развития Япония пошла курсом, не имеющим аналогии и параллели ни в одной западной стране. Власть начала за правительственный счет строить и финансировать развитие нужных, на ее взгляд, отраслей промышленности. Государственная бюрократия создавала их и управляла ими. Были приглашены иностранные технические специалисты. За границу на учебу отправили тысячи японцев. Затем, когда эти отрасли промышленности стали, по мнению японцев, «хорошо организованными, а бизнес процветающим», правительство передало их частным компаниям. Они продавались «по очень смешным ценам» избранным кругам финансовой олигархии. Государственные деятели Японии решили, что развитие слишком важно для страны, чтобы его доверять законам спроса и предложения или свободному предпринимательству. Так с минимальными издержками удалось создать отрасли промышленности, которые считались нужными для развития страны. Благодаря этому Япония смогла скорректировать обычный порядок начальных стадий развития капиталистического производства. Вместо потребительских товаров и легкой промышленности она сначала занялась ключевыми областями тяжелой промышленности. Приоритетным стало строительство арсеналов, верфей, металлургических заводов, железных дорог. Они быстро достигли высокого уровня технической эффективности. Не все перешло в частные руки. Обширная сфера военно-промышленного производства осталась в руках правительственной буржуазии и финансировалась со специальных правительственных счетов.

Буева Л. Всякая реформа, понятное дело, требует напряженных усилий. Однако насколько плодотворны такие варианты преобразований, как национальная мобилизация? В канун Второй мировой войны нашей стране пришлось ускоренным образом осуществить индустриализацию, коллективизацию, провести культурную революцию. Большевикам удалось в короткий срок реализовать труднейшие экономические и оборонные задачи. Все это потребовало огромных людских жертв. Только в период коллективизации страна потеряла более 10 млн человек. Ради модернизации использовался рабский труд заключенных. Между прочим, опытные демографы полагали, что к концу минувшего века население России составит около 270 млн. Для российского общественного сознания реформы прочно ассоциируются с надрывной мобилизацией. Нам просто трудно представить себе какой-то иной способ развития событий. Стратегия догоняющей страны требует предельного напряжения сил, жертвенности. Но можно ли в такой экстремальной ситуации проводить реформы?

Гуревич П. Мы толкуем о модернизации, но можно ли отвлечься от опыта вестернизации? Если опираться на труды таких серьезных ученых, как Дж. Роберте, Т. фон Лауэ, С. Латуш, этот процесс был связан с усвоением отдельными странами и народами европейских экономических, социальных и политических порядков. Эксперты предлагают

различать колонизацию и вестернизацию. Они отмечают, что колонизация и истребление индейцев Латинской Америки, как и завоевание европейцами Австралии и Канады, ни в коем случае нельзя считать вестернизацией. Иное дело — реформы Петра I в России, развитие Бразилии после того, как она обрела независимость в 1822 году, или уже названные нами реформы Мэйджи 1860-х годов.

Саенко Г. Модернизационное реформирование позволило России к концу XVIII в. стать мощной державой континентальной Европы. В той же мере Бразилия стала промышленным центром Латинской Америки. Португалия, отказавшаяся от модернизации, оказалась глухой провинцией Европы. Как раз вестернизация дала возможность Японии нанести России в 1905 году позорное поражение.

Буева Л. Реформаторское творчество разнообразно. Об этом свидетельствует опыт преобразований в посткоммунистических странах. Здесь ситуация кризиса получила разрешение в самых различных вариантах. Ни одно общество не может существовать без коллективно согласованной политики. Неизбежность социальных преобразований обусловлена динамизмом процессов современного мира. Ни одно общество сегодня не может обойтись без реформ. Однако нельзя не принимать в расчет социокультурное историческое разнообразие изменений.

Саенко Г. Положительные стороны реформирования очевидны. Однако они не безупречны. Начну, пожалуй, с того, что обеспечить реализацию преобразований невозможно без бюрократии. Здесь и кроется, на мой взгляд, один из негативов реформы как социального явления. В революциях участвуют массы, народ. Реформы пестуют чиновники. Бюрократическая машина выполняет несомненную цивилизаторскую функцию. Ее аппарат относится к силам, которые способствовали зарождению исторической цивилизации вообще. Таким он был, начиная со своего возникновения в первых культурах Древнего Египта и Вавилона, так же как в Китае времен ханьской династии. В Египте и Вавилоне бюрократический аппарат основал организованную цивилизацию и культуру, а в Китае придал ей, опираясь на старые основы, определенный характер, сохраняемый тысячелетиями. Однако этот аппарат одновременно является самым старым врагом широкой инициативы и самостоятельного формирования человеческой жизни.

Буева Л. Разве бюрократия всегда была тормозом реформ? Даже Альфред Вебер называет такой период во всемирной истории, когда жизнь, становясь исторической, принимала принципиально новую структуру, связанную с прогрессом. Вебер имеет в виду образование греческих и римских полисов, начиная с 780 года до н.э., и их распространение за пределы Средиземноморья. Там можно говорить о борьбе свободы и несвободы, бюрократии и свободном формировании существования. В XIX веке в Европе старая бюрократия не была сплошной и не пыталась полностью устранить или изменить господствующую жизненную субстанцию. Этот период либерализации с последней трети XVIII века и в XIX веке был периодом частичной индустриальной и коммуникационной механизации существования.

Гуревич П. Все это несомненно. Но вся сегодняшняя аппаратно-техническая форма существования основана на том, что над физическим трудом сконцентрирована техника, машины и бюрократическая форма существования. Духовная работа рационально разделена, технизирована, механизирована и лишена одушевленности. Начинается, по словам того же Вебера, полная технизация, она пронизывает всю жизнь, втягивая ее в свою проволочную сеть. К сожалению, этот аппарат, который стоит над чисто физическим трудом, имеет дело только с мертвым материалом, но занят принятием духовных решений, а тем самым, в целом, и судьбой человека. Возникает опасность того, что человеческое начало в осуществлении труда больше не участвует, потому что перестают чувствовать и видеть то, что духовно противостоит труду, а именно человека, с которым связано выполнение труда. Эта работа в техническом бюро становится лишенной всего человеческого, трансформируется в то, что сегодня обычно называют «бюрократическим». Это оказывает воздействие на человеческую сущность.

Саенко Г. Вебера заботит негативизм, который ведет к распаду ценностей, что порождает ощущение хаоса и является, по его версии, неизбежной для обозримого времени безысходности в напряжении между Западом и Востоком. Практический нигилизм ведет к общему распаду человека, ранее замкнутого в себе. Он стремится заменить человека «плебейской массой», которая состоит из душевно раздробленных индивидов. Немецкого социолога тревожил тот факт, что сегодняшняя техника происходит, в конечном счете, из того, что было названо «духовной сферой». Еще в эпоху Возрождения начинается оторванная от потребности человека собственная эволюция техники. Подчиняясь собственным эволюционным, технократическим законам формирования и развития нашего сегодняшнего искусственного существования, мы зависим от них едва ли не больше, чем капитан от работы машинного отделения его корабля.

Буева Л. Бюрократизм возникает, когда аппарат управления начинает работать не столько ради интересов общества, сколько на самого себя. Это одна из сложных проблем государственного управления и реформирования общества. Современный чиновник всецело поглощен организацией, учетом и контролем как таковыми, без заботы о конечных результатах деятельности подчиненных ему сфер и всего общества. В России сложилась система бюрократического абсолютизма, то есть бюрократии, претендующей на абсолютное господство над обществом. Это и привело общество к застою, а его институты к глубокому разложению. Отгороженность аппарата управления от населения, отсутствие демократически институционализированных отношений между властью и обществом сформировали бюрократическую иерархию.

Гуревич П. Если говорить о классической модернизации, как ее описывает, скажем, Р. Инглехарт, то она сводилась к «синдрому роста возможностей». Прежде всего, речь шла об экономических и политических ресурсах, которые обнаруживались в результате индустриализации и бюрократизации. При этом экономический рост оценивается как доминирующая социетальная цель. У человека, рядового агента такой модернизации, появляются мотивы к достижениям. В парадигме же постмодернизации, напротив, место экономических достижений занимает качество жизни. Оно, в свою очередь, определяется свободой индивидуального выбора, жизненным стилем и способностью к самовыражению. Индустриальный генотип в этом случае радикально преодолевается. Тяга к материальным ценностям смещается в сторону физической и экономической безопасности. Особый акцент обретает тема развития личности, возможность ее самовыражения.

Саенко Г. Следовательно, реформа, как она трактуется в социальной философии, не имеет ничего общего с освоением лишь новых технологий или со стремлением облегчить тяготы государственного бюджета. Она понимается в современном мире как изменение образа жизни, расцвета личности, освоение возможностей развития, которые требуют инициативы, энергии и свободы. Реформа, безусловно, социальное благо, но она во многих случаях и социальное зло. Реформирование в условиях глобализации всегда болезненный процесс. Многим культурам крайне трудно приспособиться к новым условиям. Огромные трудности испытывают культуры архаического типа, которые сохранились в центре Африки, в Австралии, в Южной Америке и на крайнем севере американского и евразийского континентов. То же самое можно сказать о малочисленных народах Севера и Сибири. Культурные сообщества архаического типа наиболее беззащитны перед глобальными процессами. Ядро их культуры, ее базисные основания, через которые воспроизводится образ жизни, не соответствуют нынешнему этапу культурного развития человечества. Так возникает угроза постепенного исчезновения малых народов под влиянием глобализма. Но есть риски и для жизнеспособных этнических культур. Они оказываются в эпицентре столкновения традиционных и новых ценностей, символов, поведенческих образцов. В результате возникают культурные гибриды, не имеющие ясной идентичности.

3. Какова судьба реформ в России?

Саенко Г. Но разве российский опыт проведения реформ менее поучителен, чем японский? Многие авторы пишут, что в России никогда не удастся провести общественные преобразования до конца. Это оценивается как проклятие или как патриархальная установка, укорененная в сознании народа. Не могу с этим согласиться. Часто при оценке российских реформ исследователи исходят из ленинских политических положений. Считалось ведь, что не реформы, а лишь революционная борьба может привести к модернизации общества. Объективное позитивное содержание реформ в России до сих пор недооценено, больше внимания уделяется недостаткам и ошибкам в российском реформировании.

Буева Л. В 1762 году, когда вышел «Манифест о вольности дворянской», русское государство держалось на балансе «служилого и тяглового сословий», на простой смысловой связке: крестьяне принадлежат дворянам, дворяне же — государю. Первая имперская модернизация была, как известно, реализована Петром I. Он рассчитывал вывести Россию на западноевропейский уровень. Он хотел, чтобы Россия стала европейским государством. Или хотя бы подтянуть к нему. «Реформы носили разносторонний характер. Речь шла о развитии промышленности, торговли, науки, образования. Могли ли эти преобразования осуществиться, если бы не было самодержавия и крепостного права? Вряд ли. Был построен город на Неве, задымили уральские заводы, открылись Академия наук, Морская навигационная школа и Морская академия. Но все это потребовало неслыханного напряжения и растраты ресурсов. «Толчок, данный народному духу Петром Великим, — писал П.Я. Чаадаев в 1832 году, — и образ действия всех последующих государей ввели у нас европейскую цивилизацию». С тех пор Европа оказалась для России не только объектом внешней политики. Она превратилась для нашей страны в мощный фактор внутренних идеологических процессов.

Гуревич П. О модернизации мечтала и Екатерина Вторая. Она начала интенсивно изучать европейское интеллектуальное богатство. Заявленная ею в «Наказе» установка — Россия есть европейская держава — позволяла увлечь нашу страну в грандиозную эпоху Просвещения. Однако не следует преувеличивать размах данных преобразований. Достижения Запада признавались выборочно. Отдельные черты европейского уклада заимствовались, исходя из соображений утилитарной пользы, безопасности, социальной моды. Однако в коренных социальных отношениях царил азиатчина. Дворяне и помыслить не могли о том, чтобы ослабить крепостное право. Фактическое рабство большинства народа считалось нормой. Направленность к гражданскому обществу в этом контексте не получала поддержки. Дворянство хотя и стремилось быть цивилизаторским, не могло отказаться от собственных социальных привилегий. Даже такой революционный мыслитель, как В.Г. Белинский, усматривал в крепостном праве «самобытные формы русской жизни».

Саенко Г. Русские реформаторы понимали, что исторический прыжок из рабства в пространство свободы необходим. Но они справедливо считали, что хаос хуже рабства. В Европе сама логика социального развития привела к жестокой борьбе, самопожертвованию. В России этого не было и поэтому гражданские завоевания были незначительными. Медленно приживались в России и идеи гуманизма. Они были лишены революционной страсти. Подчас российским властителям казалось, что Россия уже давно превратилась в европейское государство, а у Александра I проявились даже претензии на политическое лидерство. Между тем узаконенная сословная разобщенность усугублялась еще и культурной отсталостью. Вся социальная структура обеспечивала прочную опору режиму.

Буева Л. Давайте вспомним и о том, что к началу 30-х годов XIX века стало укрепляться убеждение в том, что европейский опыт вообще не годится для российской культуры. Чаадаев сформулировал этот взгляд в виде вопроса — «что может быть у нас общего с этой новой Европой?». Разумеется, дворяне и правительство понимали, что без учета европейской цивилизации культурный путь России немислим.

Гуревич П. Но стремление усовершенствовать мировоззренческие основы страны, не реализуя смену социально-политических процессов, выглядело утопичным. В этих условиях сложилось убеждение, что Россия вообще не подлежит реформированию. Внеправовая

ущербность населения была настолько заметной, что власть не могла точно определить правовой статус крестьян, если их удастся освободить.

Саенко Г. Я полагаю, что в России был реформатор, деятельность которого не менее значима, чем реализованные проекты Мэйдзи. Он действительно проводил либеральные реформы, которые улучшили жизнь народа. В интересах людей они и осуществлялись. Александр II отменил крепостное право (1861), приступил к военной реформе (1862), поддерживал реформу народного и высшего образования (1863), провел земскую реформу и реформу судебной системы (1864), ограничил цензуру (1865), модернизировал городское управление (1870). Вот какой обстоятельный перечень! Но, как и в Японии, все эти социальные улучшения предполагали укрепление монархического режима. Он кардинально реформировал российский образ жизни.

Буева Л. Александр II отважился на самую либеральную за все правление Романовых судебную реформу 1864 года. Хотя она была соотнесена с самыми проверенными лекалами западных стандартов, все же стало очевидным, что сословная ментальность не подлежит преобразению. Судебная реформа 1864 года не включала крестьян в общую правовую культуру. Для них был устроен собственный крестьянский волостной суд, который должен был руководствоваться обычным крестьянским правом. При отсутствии гражданского (общего и личного) права дворянство было защищено сословными привилегиями. Поэтому данное сословие не испытывало тревоги по поводу своей правовой незащищенности.

Гуревич П. Сегодня уже очевидно, что крестьянская реформа 1861 года обеспечила существенное обновление общественных процессов в России. Реформа стала значимым событием в российской истории. Она привела к радикальному социокультурному преобразению российского общества. Отметим, что инновационный процесс проходил через конкретные стадии. При реализации реформы учитывались особенности политической культуры страны. Главный социальный заказ, который выполняла реформа, вызревал в течение длительного периода. Поставленная в повестку дня отмена крепостного права представителями интеллектуальной элиты страны была поддержана правительством, которое обеспечило целый спектр институционально-организационных инноваций.

Саенко Г. Крайне существенно, что отмена крепостного права не устранила традиций самодержавного сословно-иерархического российского общества. Реформа проводилась открыто, в условиях полной осведомленности, которая позволяла обнаружить разнообразные общественные интересы и социальные страсти. При разработке законодательного проекта реформы принимались в расчет социокультурные традиции России. В своей кадровой политике Александр II опирался на самодержавные устои. Но он же понимал значимость преобразований. Важно было обеспечить социокультурный компромисс.

Буева Л. В момент практической реализации законодательно оформленных новаций, когда центр реформирования переместился на региональный уровень, оформился институт мировых посредников. Это носило характер организационно-институциональных новшеств. Такие временные институты не нарушали базовых традиций. Но без них было невозможно реализовать Положение от 19 февраля 1861 года. Не лишне напомнить, что проведению реформы предшествовал конкурсный отбор потенциально возможных проектов. Рассматривались образцы решения крестьянской проблемы — «отсзейский» опыт, инвентарная реформа 1842 года. В поле рассмотрения попали также и европейские социальные «наработки» в Пруссии, Австрии и Франции. Реформаторы вовсе не стремились во всем «догнать» Европу. Они учитывали самобытность российского общества. Не в пример нынешним управленцам, для которых любой западный опыт является непогрешимым. Реформа учитывала исторически сложившийся раскол российского общества, но в базовых своих устремлениях предлагала компромисс, а не усиление враждебности.

Гуревич П. И все же давайте поговорим о реформах без елеса и патоки. Реформа Александра II шла с огромными издержками. Ведь сама идея обсуждалась в дворянских собраниях на протяжении пяти-шести лет. Не было единодушия насчет того, как освободить крестьян. Не получил признания черноземный проект с выкупом, с отсроченными выкупами.

Разве были учтены мнения всех сословий? Сколько было петиций, отправленных императору! И все же вышедший Манифест не принес радости ни крестьянам, ни помещикам. Неожиданно крестьяне сразу стали закладывать свою землю. Обнаружилось повальное пьянство.

Буева Л. Реформа вызвала озлобленность дворян. Они не могли примириться с тем, у них отторгли землю, доход с которой составлял основу их жизни. Многие из помещиков метнулись в сторону революционных классов. Истинные последствия реформ обнаруживаются не сразу. Идея реформы заслуживала всяческого одобрения, но по форме она была неприемлемой, безумной. Сейчас многие эксперты говорят о том, что революция 1917 года явилась результатом этой реформы. То же самое произносят и по поводу столыпинских реформ. Реформу нельзя оценивать по сиюминутным результатам. Важнее ее дальное действие. Но с этой точки зрения реформы никогда не обсуждались.

Саенко Г. Положение 19 февраля 1861 года повысило статус бывших крепостных. Они стали свободными сельскими жителями. Но это не нарушило традиций сословно-иерархического устройства страны. Устойчивости помещичье-вотчинной регуляции жизни российского общества замещались традициями общинного социокультурного устройства. Разумеется, полностью разрешить социальные противоречия, которые были сопряжены с расколом российского общества, не удалось. Однако ценностно-смысловое содержание законодательства была направлено на достижение общественной стабильности. Исследователи отмечают, что опыт крестьянской реформы 1861 года свидетельствует о высоком статусе императора как субъекта реформы, осуществленной в условиях самодержавной формы правления. При этом социальные философы отмечают способность Александра II к организационному творчеству в рамках базовых традиций политической культуры. Требования инноватики, рожденные в кругах элиты, получили поддержку правительства. Это был мощный рывок в историческом прогрессе...

Буева Л. Успехи российской экономики и промышленности (технологическая модернизация) в конце XIX века были предопределены политической, социальной и экономической модернизацией Александра I. Известный русский мыслитель К.Д. Кавелин оценивал реформу 1861 года «как одно из величайших событий русской истории». В самом деле, русские крестьяне, которые до тех пор были почти полными рабами, стали свободными, полноправными гражданами. В огромных масштабах началось их превращение «в мелких поземельных собственников». Но этот исторический социальный переворот был реализован мирно, законодательным путем. Произошло великое раскрепощение российских сословий.

Гуревич П. А вот с чего начал Петр Аркадьевич Столыпин свою деятельность? С аграрной реформы. Он убедил императора подписать Указ от 5 октября 1906 года, который позволил крестьянину свободно распоряжаться собою. Указ содержал запрет местным начальникам сажать крестьян под арест или штрафовать. Только суд позволял предпринять такие жестокие меры. Россия в те годы располагала огромными земельными пространствами. По количеству удобной земли на душу населения она превосходила Францию и Германию. Но почему же в России была столь низкая урожайность? Причина не только в отсталой агротехнике. Главное, что тормозило развитие деревни, — общинное землепользование. Что делать? Одни считали, что у крестьян не хватает земли. Может быть, отобрать часть природных пространств у богатых помещиков и поделить между крестьянами? Профессор Н. Рогалина, которая изучала аграрные реформы в России, пришла к выводу, что такое решение было бы бесполезным. Земли все равно не хватило бы. Крестьянские наделы практически не выросли бы. А в случае вполне ожидаемого прироста населения эти меры ни к чему не привели бы. Ситуация осталась бы прежней, зато помещики были бы недовольны отторжением их земель.

Саенко Г. Но был и другой вариант развития событий. Делить не землю, а повышать урожайность. Расчеты показали, что если увеличить урожайность хотя бы с 40 до 60 пудов на десятину, то удалось бы получить желаемый успех. Это означало бы, что крестьяне

получили бы условно земли в полтора раза больше. Столыпин стремился освободить крестьян от яремой тяжести общинного строя. Крестьяне должны иметь свою собственность и относиться с уважением к неземельной собственности тоже. Так вот, как и в Японии, эти реформаторские предложения вызвали волну протестов. Против столыпинской реформы выступил даже Лев Николаевич Толстой. Он считал, что земля не может быть частной собственностью. В письме Столыпину он писал: «Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». Надо ли цитировать ответное письмо Столыпина? «Вы считаете злом то, что я считаю благом для России. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян и создает все наше неустройство. Нельзя любить чужое наравне со своим... Оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет к бедности. А бедность, по мне, самое худшее из рабств...»

Буева Л. Но ведь социалисты тоже выступали за раздел земли. Это была общая позиция?

Гуревич П. Ни в коей мере. Социалисты предлагали раздать землю бесплатно. Разве это плохо? Столыпин полагал, что ничего не должно оказаться в руках крестьян задаром. Такое решение привело бы к массовому иждивенчеству. По убеждению реформатора, никто не будет прилагать свой труд к земле, зная, что плоды его трудов могут быть изъяты через несколько лет. Столыпин предвидел, что это приведет к такому перевороту, которого еще не было в истории. Петр Аркадьевич, разумеется, крупный государственный деятель. Но подготовка и реализация его реформы не были идеальными. Ему приходилось убеждать императора и элиту в том, что эти преобразования помогут России стать крупной державой. Но опыт показал, что даже самые идеальные и хорошо продуманные реформы обречены, если они не соотносятся с вековыми традициями. Главное отличие реформы от революции должно проявляться в отсутствии насилия. Если социальные проекты сопряжены с принудительностью, это уже аромат революции. Известно, что ни одна крупная политическая сила в стране, как известно, не поддержала аграрные реформы Столыпина.

Саенко Г. Но ведь исторический выигрыш важнее. Хочу тоже сослаться на мнение профессора Н. Рогалиной. Она пишет: «Урожайность хуторских и отрубных хозяйств была значительно выше, чем в среднем по России. В 1913 году Ставрополье вышло на первое место по чистому сбору продовольственных хлебов на душу населения, обогнав Кубань, имевшую лучшие природные условия, но не затронутую реформой... Распахать бескрайние степи, основать села и хутора, вывести замечательные сорта пшеницы и породы скота могли только самые сильные, предприимчивые и трудолюбивые крестьяне, которые получили землю благодаря столыпинской реформе».

Буева Л. Да. 15 марта 1910 года Столыпин подвел первые итоги на заседании Государственного совета. Особенно удачной оказалась программа переселения за Уральский хребет, где пустовали огромные территории. Туда переселилось около четырех миллионов крестьян. Сибирь давала больше хлеба, чем Украина и Северный Кавказ. Столыпин считал, что при такой успешной работе еще шесть-семь таких трехлетних периодов, и общины в России там, где она уже отжила свой век, почти уже не будет...

Гуревич П. Может быть, не следует придавать реформам такое ускорение?

Саенко Г. Все зависит от социальной политики. Если свести реформирование к укреплению государства, тогда национальная мобилизация оказывается необходимой и ускоренной. Но прогресс — не только технические прорывы. Подлинное реформирование — это обретение свободы, развертывание инициативы и участия всего народа. В этом контексте реформы Александра II можно оценивать как исторический прогресс. А вот самодержавный кошмар Ивана Грозного, как исторический регресс, особенно если сравнивать его роль с царствованием его деда Ивана III. В свое время Д.А. Медведев призывал начать модернизацию с демократизации. Он даже подчеркивал, что такая модернизация начинается впервые в истории России. На деле программа свелась лишь к технологическому прогрессу.

Буева Л. Однако такие исторические прорывы, сопряженные с национальной мобилизацией, продолжаются в России на протяжении многих веков. Съезд Общероссийского народного фронта, по сути дела, провозгласил очередную национальную мобилизацию. Стихийность, непоследовательность и субъективизм в проведении социально-экономических реформ чреват утратой социальной ориентации.

Гуревич П. Наше обсуждение показало, что в современном мире реформы могут содействовать общественному прогрессу, устранять диспропорции общественного развития, заменять архаические элементы государственного устройства. Социальные мыслители разработали надежные инструменты социальной динамики, которые позволили многим странам добиться значительных успехов в реформировании жизненного уклада. Но... Поразительный факт — за 20 лет рыночных преобразований в нашей стране не завершилась успехом ни одна из задуманных реформ — административная, налоговая, военная, полицейская, образования и здравоохранения. Реформы — самые разные, но свелись они к общему знаменателю...

Опыт проведения реформ в России, к сожалению, может явиться наглядным пособием для начинающих управленцев, разумеется, негативным. В нем будет убедительно показано, как не надо проводить реформы, как не следует плодить социальное дилетантство, сколь велика ответственность реформаторов перед последующими поколениями. Что, наконец, невозможно преодолеть пропасть в два прыжка.

Современность (modernity), полагает сенегальский социолог С. Амин, не завершена, она открывает двери в неизвестное. Да, современность незавершаема по своей сути, но она предполагает последовательность форм, которые очень разнообразно преодолевают противоречия общества в каждый момент ее истории. И модернизация страны имеет шансы на успех лишь при опоре на исторически сложившиеся архетипы общественного сознания и духовные традиции народа.